

Иван Гобзев

ДВА РАССКАЗА

АННА АРКАДЬЕВНА

Давно уже известно, что в бесконечном множестве миров возможны все миры, даже самые маловероятные. Достаточно, чтобы они были хотя бы чуть-чуть вероятны. И если есть один шанс из триллиона, что какой-то мир есть, значит, он наверняка есть.

Все мои коллеги из Института истории культуры только и занимаются тем, что путешествуют по возможным мирам, чтобы посмотреть, что было бы, если... Что было бы, если, скажем, Пушкин остался жив? И вот они отправляются в эту альтернативную реальность, в которой он остался жив, и смотрят, что из этого вышло.

Хотя смысла в этом не так много, ведь выйти из этого может все что угодно — существуют миры, где реализовались все возможные истории. Но потом мои коллеги пишут научные статьи. Что-то вроде: «В мире АА.01 А.С. Пушкин стрелялся с М.Ю. Лермонтовым — из-за женщины или все же нет?» Или вот недавнее: «Родная дочь Н.В. Гоголя в браке с Л.Н. Толстым: проблема воровства сюжетов».

Занимательно, конечно, но лично для меня ценность подобных изысканий сомнительна...

Меня волнует другое. Как, например, Анна Каренина могла оставить своего сына? Как сложилась дальнейшая судьба героев? И действительно ли у Вронского были такие сплошные зубы, как об этом постоянно твердит автор?

Вопросы могут показаться нелепыми, но среди множества миров есть и такие, где все описанное великим романистом — реально. Потому что ничего противоречащего законам физики у него там нет.

Что с того, что это вымысел? Когда возможно все, граница между реальностью и вымыслом исчезает.

•••

— Николай, — говорит мне декан, — ты уверен вообще? Каренина, Левин, Вронский... Почему не Буратино или Карлсон? Они тоже возможны и, значит, где-то существуют!

— Я понимаю вашу иронию, Артемий Леонидович, но Государственный научный фонд поддержал мой проект!

Это правда — мою заявку, писаную без всякой надежды, поддержал Фонд и выделил мне необходимое финансирование. Случай беспрецедентный. Причем мою предыдущую заявку «Неизвестные фрагменты частной жизни Л.Н. Толстого и С.А. Толстой» почему-то отклонили, хотя там уж исследование обещало быть весьма результативным! Иногда мне кажется, что заявки отбираются наугад.

— Ладно, ладно, ты не сердись. Но, сам понимаешь, другие будут недовольны, надо теперь тебе время выделять в межпространственно-временном континууме... А есть и более актуальные исследования, чем дальнейшая судьба Вронского!

— Это какие, например? — с вызовом говорю я.

— Прямо сейчас разрабатывается проект исследования жизни и творчества Сапфо, который может иметь значение для всей мировой культуры, и обрати внимание — она совершенно реальный человек, а не твой Винни-Пух или что-то в этом роде!

Я улыбнулся, пропустив Винни-Пуха мимо ушей. Все знали про неудержимую страсть Артемия Леонидовича к Сапфо. Он грезил ею, как говорится, во сне и наяву. То, что это полупоэтическая личность, древняя поэтесса, про которую почти ничего неизвестно, его не останавливало. В его воображении она была вполне реальной личностью.

Что ж, его ждет разочарование! Так всегда бывает — когда чего-то очень ждешь, потом это оказывается совсем не таким.

•••

Уже многие годы ходит байка про одну исследовательницу, которую по ошибке отправили не к Мигелю Сервантесу, а к его герою Дон-Кихоту. Ее зовут Таисия Дульяновна Боосова, веду-

шая научная сотрудница Института культуры старой Испании. Я видел ее фотографию: строгая дама лет пятидесяти, с короткими седеющими волосами, зачесанными назад, и в больших смешных круглых очках.

И она не вернулась. Будто бы нашла счастье с ним, стала дамой его сердца. Он бросил рыцарство, не доехав даже до мельниц, и занялся сельским хозяйством, а она взяла на себя заботу о доме. Санчо Панса поначалу терпеть ее не мог, потому что она испортила ему выгодное предприятие, но потом стал у них частым гостем. И будто бы в альтернативной версии романа Сервантеса появились такие финальные строки: «Каждому мужчине, чтобы он стал счастливым, должна встретиться та самая женщина».

Исследования в области вымышленных историй крайне редки — считается, что поскольку они вымышлены, они не имеют ценности. Я не согласен, потому что такие исследования позволяют лучше узнать замысел автора, его мотивы и ценности, и главное — лучше понять само произведение.

Мой план был таков — проследить за Анной Аркадьевной, когда она прибывает на станцию Нижегородская после размолвки с Вронским, чтобы ехать в Обираловку, где все завершится столь трагическим образом. Я стану свидетелем самого драматического эпизода в романе, и, возможно, сумею перемолвиться с ней парой слов и узнать, что меня интересует, — в том возбужденном, одурманенном лекарством состоянии, в каком она пребывает, она может открыться незнакомцу и сообщить нечто важное. Да, понимаю, это звучит цинично... Но таковы правила полевого исследования: порой ученый — это не человек в обычном смысле, а бездушная машина для наблюдения фактов.

Еще один плюс выбранного мной момента посещения пространства романа — близость к финалу, когда я, с одной стороны, могу посмотреть итоги всех сюжетных линий, и с другой — не слишком долго ждать, чтобы узнать, что было дальше.

Главное, не попасть в черновой вариант — вот о чем я беспокоился. Помня страсть Льва Николаевича к переписыванию, такое вполне могло случиться. Тогда все насмарку!

Из портала я вышел неудачно — практически вывалился и упал на колени, картуз укатился и свалился с платформы. Что же, буду теперь с непокрытой головой! Мимо шли какие-то наглые молодые люди, их рассмешил мой вид. Я быстро поднялся и огляделся по сторонам. Вытащил носовой платок и не спеша отер руки, давая всем понять, что я в порядке и не пьяный. Но, кажется, никто не обратил внимания, кроме этих молодых людей. По перрону стелился густой белый пар, местами полностью закрывая обзор.

Где-то здесь должна быть она. Но как я узнаю? В моем-то воображении она одна, а Толстой ее видел наверняка совсем иначе. В романе только одно конкретно — она была полновата.

Я стал бегать по платформе взад-вперед, вглядываясь в лицо каждой полноватой дамы. Это, конечно, было неприлично. Но что поделать! Я был готов уже и спрашивать: «Вы случайно не Анна?»

Мимо опять прошли те наглые молодые люди; увидев меня, они обменялись непонятными жестами и рассмеялись. И тут меня озаорило: как же! Наглые неприятные молодые люди! Толстой писал, что они как будто преследовали Анну, во всяком случае специально прохаживались мимо нее.

Я пошел за ними. Они заметили это и замолчали. Потом свернули в сторону.

— Молодые люди! — громко и требовательно позвал я, настигая их бегом. — Вы тут видели недавно даму, она должна выделяться среди прочих?

Молодые люди переглянулись и ускорили шаг.

Я махнул рукой. Вполне вероятно, они и не знают, о ком речь — очень даже может быть, что их внимание к ней было не более чем плодом ее болезненного воображения.

Черт с ним, решил я, куплю билет, сяду в поезд и там буду ходить по вагонам, пока ее не найду.

Я пошел уже за билетом, как вспомнил: Анна Аркадьевна была с красным мешочком! Да-да, красный мешочек!

Я вновь побежал по перрону, высматривая красный мешочек среди черных, белых, красных, синих, зеленых нарядов.

И едва на нее не налетел. Она стояла у вагона, намереваясь войти. Лица я не разглядел под вуалью, но осанка, руки, платье, от-

страненная задумчивость в позе — это могла быть только она! К тому же вот: и красный мешочек, который она как-то по-детски прижимала к животу двумя руками.

Задыхаясь от волнения, я залепетал:

— Анна Аркадьевна, это вы! Это вы! Как я рад, вы не поверите... Это что-то с чем-то...

Она коротко взглянула на меня, потом обернулась к дородному мужику с животным лицом и сказала тихо, как мне показалось, обреченно:

— Петр, подай ему.

И быстро поднялась в вагон.

Петр с надменной улыбкой сунул мне в руку монету, хлопнул по плечу и пошел прочь.

Я ничего даже не ответил, потому что был совершенно растерян. Я застыл с этой монетой в зажатой ладони, онемевший от стыда и негодования. Неужели я похож на нищего? У меня непокрыта голова, и что? А как же мой великолепный сюртук? Напомаженные волосы? А великолепные штиблеты? И я подрыгал ногами, как бы демонстрируя всем свои штиблеты.

Я взялся за поручень, полный решимости подняться следом и объясниться с Анной Аркадьевной. Однако какой-то господин в служебном костюме, должно быть, кондуктор, схватил меня за локоть.

— Батенька, куда это вы собрались? А билет?

Ах да, билет!

— Будет вам билет! — зло сказал я. — И я вам не батенька! Я прямой потомок Ивана Грозного, дворянин черт знает в каком поколении!

И смутившись от своего нелепого вранья, я заторопился в кассу.

•••

Взяв билет до Обираловки, я направился к поезду. И тут только понял, что не помню, в какой вагон села Анна Аркадьевна!

У стекла я задержался, чтобы в его отражении поправить прическу. Да, без картуза конечно не очень хорошо, но все равно я недурен! Не то что лысеющий Вронский с его сплошными зубами. Боже, и что она в нем нашла? Понимаю, понимаю, дело не в на-

ружности... И я вспомнил, как увидел ее, стоящую у вагона, — я ведь даже лица ее не видел толком, даже не поговорил, а однако же такой огонь был в ней, в одной этой ее позе, склоненной голове, руках!

«Да что что же это?» — спросил я сам себя.

И какой-то неприятный холодок пробежал по моей спине, чаще забилось сердце и снова перед моим внутренним взором встала Анна Аркадьевна в полный рост.

— Это, случайно, не ваш картуз? — Вижу, бежит ко мне станционный смотритель.

— Спасибо, любезный мой!

Я отряхнул его и надел на голову. Смотритель стоял рядом и ждал, заискивающе улыбаясь.

Ах, да! Я протянул ему монету, полученную от Петра.

— Премного благодарен! — поклонился он и так же, склоненный, убежал.

Подойдя к вагону, я увидел грязного мужика с всклокоченной бородой, он шел вдоль поезда, нагибаясь и постукивая какой-то штукой по колесам.

•••

Я шел по вагону с твердым намерением объясниться. Не время робеть в вымышленном мире!

И тут меня озарило: да вот же почему никогда не нужно робеть! Ведь любой мир можно рассматривать как вымышленный, как всего лишь один из квинтиллионов возможных, где твои двойники делают все возможные выборы! А мы проживаем годы, боясь и не решаясь, как будто мы и наш мир настолько уникальны, что нельзя допустить ошибку...

Я заглядывал в каждое купе, смущая барышень и вызывая негодование господ, но ее нигде не было. В одном вагоне я увидел тех самых молодых людей, которые противно хохотали. Я сделал свирепое лицо, увидев меня, они затихли, но стоило мне пройти, как они опять засмеялись.

— А вдруг она передумала ехать?! — похолодев, подумал я. — Что если?.. Ведь возможно! Я ведь уже вмешался в пространство

романа, Толстой меня не описывал! Я мог нарушить естественный ход...

Что же, в таком случае сойду в Обираловке и обратным поеду вечером в Москву... Или же нагряться к Вронским?

И тут, проходя мимо очередного купе, я увидел ее. Она сидела на грязноватом, некогда белом диване и смотрела в окно. Сидела сдержанно, как будто в каком-то внутреннем напряжении, как будто ведя сама с собой мучительный диалог. Мешочек лежал рядом. Напротив нее расположилась пара, муж и жена, он курил. Анна Аркадьевна, казалось, не видела и не слышала их.

Я кашлянул. Муж и жена подняли на меня глаза. От противоположной двери шел кондуктор.

— Анна Аркадьевна! — громко позвал я.

Она испуганно дернулась и посмотрела на меня. Я заметил, как под вуалью блестят ее черные глаза.

— Опять вы? — прошептала она.

— Анна Аркадьевна, я должен с вами поговорить!

— Ах, оставьте меня... Что вам нужно?

— Мне ничего не нужно, ничего! Разрешите, я присяду?

Тут уже подошел кондуктор. Мягко взяв меня за локоть, он сказал:

— Ну выпили и чего шуметь? Хорошо ли к дамам в поезде приставать? Пройдемте, провожу вас на места.

•••

Обескураженный, я позволил себя отвести куда-то и посадить на скамейку.

Такого отпора я не ожидал. Я был уверен, что в светском обществе ничего не стоит завести беседу с незнакомцем, если по крайней мере ты выглядишь прилично. Наверное, где-то здесь я и просчитался! Что-то не так в моем наряде... Или в целом во внешности? Манере держать себя?! Сразу видно, что я не дворянин? Ну и что же, может, я богатый купец! А может, дело просто в ней? По описанию Толстого, в данный момент ей должен быть весь мир враждебен и все люди неприятны...

— Любезный, поди сюда! — позвал я кондуктора и достал кошелек.

— Чего господин изволит? — с готовностью отозвался он. — Водочки и закусок?

— Нет-нет, — поморщился я. — Хотя... Почему бы и нет? Давай водочки и закусок, а потом, мой милый, мне нужно во что бы то ни стало переговорить с той дамой из купе. Не мог бы ты свести нас с глазу на глаз?

— Да как же это возможно, милостивый государь! Дама личная!

И шепотом добавил:

— Каренина!

— Вот, держи. — Я вытащил из бумажника двадцать пять рублей и протянул ему.

— Что даме сказать-с?

— Скажи ей, что здесь ее ждет послание... Телеграмма! Нет, лучше записка.

— Она непременно спросит, от кого!

— Скажи, скажи тогда... Что от какого-то лысеющего господина со сплошными зубами!

Кондуктор с сомнением посмотрел на меня, развернулся и вышел.

Подумав секунду, я хотел его остановить — идея показалась мне не очень удачной и даже подлой, — но он уже был далеко.

— Вот стыд-то! — сказал я и ударил себя кулаком по колену. — Опускаться до таких приемов! Что бы сказал Толстой?

•••

Водка и закуска появились раньше Анны Аркадьевны. И правильно. Я выпил полынной, закусил и почувствовал, что преисполнился решимости. Однако что если она не придет? Деньги-то смотритель уже не вернет. Да на что мне эти деньги, в вымышленном-то мире? Однако же двадцать пять рублей на дороге не валяются...

Я рассердился сам на себя. В самом деле. О чем я думаю?! Вот поэтому она и выбрала Вронского, а не меня!

Да о чем это я сейчас?!

А если она придет и обнаружит, что у меня нет никакой записки? Еще хуже. Нелепо все же я придумал...

В этот момент дверь открылась — кондуктор ее придерживал, пропуская вперед Анну Аркадьевну. Он мне подмигнул и закрыл дверь. Мне это было неприятно, что он себе выдумал?!

Анна Аркадьевна, увидев меня, остановилась в нерешительности.

— Садитесь, прошу вас, Анна Аркадьевна, — привстал я, — прошу!

Она все так же прямо, не поворачиваясь, села на диван напротив, держа мешочек перед собой.

— У вас есть сообщение для меня от Алексея? — неуверенно спросила она. — Вы его приятель?

— Да-да, приятель, — обрадовался я ее удачному предположению.

— Как же вас зовут? Я не помню вас...

— Николай Львович! К вашим услугам.

— Он не говорил про вас... Какая у вас фамилия?

— Худой. — И зачем-то добавил: — По отцу.

— Вот как... — Она задумалась, склонив голову так, что шляпка оставила открытой только небольшую часть лица под вуалью и шею.

Голос у нее был глубокий и приятный. Я сидел напротив и смотрел на нее, сам не свой от восторга, — вот я рядом с ней, с одной из самых прекрасных женщин в мировой литературе, а по моему мнению — так самой прекрасной! Сколько я грезил ею, сколько мечтал поговорить, пройти под руку, и спрашивать, и рассказывать, и... И вот теперь я сидел, как воды в рот набрав, и не мог вымолвить ни слова!

— Странно, — наконец выговорила она как будто преодолевая боль, — ваше имя мне кажется смутно знакомым... И где же? Где же письмо от Алексея?

— Письма нет. Он просил лично передать.

— Что? — с испугом посмотрела она на меня.

— Что он вас любит, и просил меня проводить вас домой, побывать с вами, пока он не вернется.

— То есть вам, совершенно незнакомому мне человеку, он велел все это предать? — тяжело выдохнула она. Потом прошептала: — Какой, однако, позор... Но постойте... Как же вы, как вы могли видеть его, когда? Я же встретила вас на Нижегородской!

Мой замысел провалился! И к счастью, потому что я не знал уже, куда деваться от этого вранья.

В крайнем волнении я встал и обратился к ней:

— Анна Аркадьевна! Простите меня! Я не видел Вронского и вообще незнаком с ним... Разве что читал про него. Про его сплошные зубы... Но это неважно сейчас. Я из будущего! Точнее даже не так, я из настоящего, реального настоящего, а тут все выдуманно, и вы тоже... Это так сложно объяснить! Мне надо поговорить с вами, Анна Аркадьевна!

И я умоляюще сложил руки у груди.

Она резко встала и направилась к двери.

— Все ясно, — сказала она, — вы сумасшедший. Прощайте!

•••

И когда она вышла, резко поведя плечами и быстро ступая, наклонив слегка вперед и набок голову, я понял, что люблю ее. Да, как бы это смешно и глупо ни звучало, я влюбился в Анну Каренину! Но не думаю, что это произошло именно сейчас. Это произошло давно, в моем воображении, исподволь и плавно. Я много думал о ней, грезил, пытался представить и понять... А сейчас наступила кульминация.

И я влюблен в нее беззаветно, так, как только может любить человек. Вдруг с удивлением я понял, что, хотя и увидел ее сегодня впервые, она уже знакома мне, как родной и самый близкий человек, с которым я никогда не расставался, но и в то же время был в мучительной разлуке. И все это время разлуки я видел перед собой ее светлый образ, который вставал неожиданно откуда-то из глубины сознания и поражал меня очевидной мыслью: да как же это возможно, что мы не вместе?!

И что происходит теперь? То, что я, вместо того чтобы открыться ей в самом главном, лезу к ней с какими-то нелепостями!

И я покраснел от жгучего стыда, как краснел последний раз в юности, когда признался школьной директрисе в чувствах, а она расхохоталась! Увидев свое отражение в стекле я поразился — какой же я бордовый! Как... Как ее мешочек!

Да вот же он! Лежит напротив на сидении! Она его забыла!

Я поднял глаза к потолку вагона, поблагодарил небо за эту удачу, схватил мешочек и стремительным оленем поскакал к Анне Аркадьевне.

•••

— Анна Аркадьевна, Анна Аркадьевна! — Я ворвался в купе, но там ее не оказалось. Сидела та же пара, с вежливым недоумением глядя на меня.

— Вы не видели даму? Она оставила мешочек! — И я показал им мешочек.

— Дама вышла только что, — ответил мужчина. — В Обираловке.

О боже! Я схватился за голову, прижав мешочек к лицу. Какой же я растяпа! Вот тебе и водочка с закусочкой!

Я бросился к выходу, крича кондуктора.

— Что вам? — тревожно и даже как-то агрессивно спросил он.

— Останови поезд! Мне надо в Обираловке выйти!

— Никак невозможно, милостивый государь! Люди едут, попадают все, разобьются.

— В таком случае отойди, я сойду на ходу!

— Убьетесь, сударь!

— А ну, отойди!

Он отошел с таким выражением лица, за которое в другой ситуации его следовало бы высечь. Перекрестившись, я прыгнул на несущуюся насыпь.

•••

Хромая, я кое-как добежал до платформы «Обираловка» и с трудом влез на нее, сначала перевалившись верхней частью тела, а потом подняв за собой ноги. Встав, я отряхнулся. Вид был у меня негодный — рваные брюки на коленях, штиблеты разбиты, сюртук в пыли и грязи, локти тоже подраны — на них и на колени я неудачно приземлился, прыгая из вагона. А я думал, это будет, как в кино!

А мой картуз?! Он опять куда-то улетел...

Подволакивая ногу, я, насколько мог быстро, направился по платформе в поисках Анны. Проходя мимо стекла я увидел свое отражение — глаз разбит и щека поцарапана, будет фингал.

Зато мешочек был со мной и совсем чистый, падая, я инстинктивно прижал его к груди.

Однако ее нигде не было видно!

— Анна Аркадьевна! Анна Аркадьевна! — закричал я в отчаянии, не беспокоясь о том, что подумают другие.

Но она не отозвалась, только люди оборачивались на меня.

«Но если я опоздал и *это* уже случилось, то был бы переполох?» — подумал я.

Я увидел кучера в синей щегольской поддевке и цепочке. Он шел довольный по платформе мне навстречу. Как его зовут? Ах да, Михайла!

— Михайла! — бросился я к нему. — Где Анна Аркадьевна, говори немедленно?

Михайла растерялся от неожиданного напора, огляделся и развел руками:

— Ушли вот только...

Потом заметил красный мешочек и подозрительно осмотрел меня:

— А вы кто будете?

«Водокачка!» — вспомнил я. В противоположном конце платформы в самом деле была водокачка. И там, как мне показалось, мелькнула черная шляпка, спускаясь по ступеням вниз, к железнодорожным путям. Тотчас загрохотали вагоны по рельсам, подходил товарный поезд, заглушая слова Михайлы, который требовательно что-то хотел, и поволокло густым паром. Оставались считанные секунды до того момента, когда поезд достигнет места, где я заметил черную шляпку.

Я, жестом отклонив Михайлу, побежал по платформе, крича и размахивая руками.

•••

— Анна Аркадьевна! Анна Аркадьевна!

Она стояла у второго вагона, чуть согнув колени и выставив руки вперед, как будто собираясь делать упражнения.

Увидев меня, она оглянулась, и даже вуаль не скрыла ее ужасающую бледность.

— Вы забыли это! — И я поднял над головой красный мешочек, чтобы показать ей.

Она распрямилась и откинула вуаль.

— Николай Львович?! Это опять вы? Вы что же, преследуете меня?!

Я спустился по ступенькам и остановился рядом с ней. Я развел руками, помахал мешочком, шумно вдохнул. И наконец признался:

— Да, преследую! Дело в том, что я вас люблю. Давно и всем сердцем. Уже лет двадцать! Люблю, как это ни банально звучит, больше жизни, потому что с некоторых пор жизнь без вас для меня не имеет смысла.

— Это что же, вы меня любите с тех пор, как мне было шесть?!

— Нет-нет... Увы, я вас знаю только в этом вот вашем возрасте... Это так сложно объяснить... Но я знаю, что вы собирались сейчас сделать с собой!

Она молча посмотрела на меня своими черными блестящими глазами. А я смотрел на нее, и меня не покидало чувство невероятного чуда — оттого, что вижу ее.

— Ничего, что это сложно, — сказала она. — Вы попробуйте объяснить, я умная, я пойму.

Поезд пронесся мимо, грохотанье стихло.

Безобразный мужичок скрылся вдали.

•••

Я рассказал ей все. Она слушала молча и задумчиво, стоя вполборота ко мне с мешочком на руке, который я ей отдал. Я не мог понять, верит она мне или нет. Я говорил с жаром и страстно, надеясь заставить ее поверить мне, но как это непросто — поверить в то, что ты литературный герой! Но все же я знал слишком многое про нее — даже то, чего не знал никто.

Наконец, прервав мою сбивчивую и взволнованную речь, она тихо спросила:

— Что же мне теперь делать? Зачем он со мной так?!

— Кто?! — не понял я. — Вронский?

— Да нет, — поморщилась она. — Этот, как вы его назвали, со смешной фамилией... Толстой! Он что, женоненавистник?

— Ну, нет... Я думаю, так само собой вышло. Писал, писал, и вот... Написалось!

— Я его ненавижу! А я ведь всегда чувствовала, как будто кто-то тащит меня куда-то помимо моей воли...

— Да вы, кстати, отчасти с ним знакомы... Константин Левин — он как раз списал с себя его образ.

— Не помню... — растерянно посмотрела она на меня.

— Да как же! Муж Кити! Вы ему без всяких сомнений очень понравились.

— Ах, да! — улыбнулась она. — Так это Левин? О боже мой! Он?!..

И она посмотрела на меня с таким недоумением, словно я поставил перед ней неразрешимую загадку.

Я развел руками.

— И что же мне делать?! — прошептала она.

— Анна Аркадьевна, в первую очередь, бросьте пить опиумную настойку. Поверьте, от нее вам значительно хуже. А во-вторых, знаете, сестра Толстого, имея похожую историю в жизни и прижитого незаконно ребенка, ушла в итоге в монастырь!

Анна Аркадьевна дико посмотрела на меня. Я понял, что допустил оплошность — в монастырь она не хотела.

— Если честно, — продолжил я, — я не знаю, что вам делать. Но уверен, вам не стоит порывать с жизнью... В ней будет еще много прекрасных моментов. И вспомните себя девочкой! Ну разве простили бы вы себя, допустив такое?

Она стояла тихо и задумчиво, как будто пытаясь что-то понять, разрешить нечто, и будто уже не слыша и не видя меня.

— И знаете что? — вдруг выпалил я. — Не поймите меня превратно, в моем предложении нет ни капли низости, но... Езжайте со мной, Анна Аркадьевна! Ради вас я брошу реальный мир и всю свою жизнь посвящу беззаветному служению вам! Мы отправимся с вами в бесконечное путешествие по вымышленным мирам!

•••

Я еду в поезде, возвращаюсь на Нижегородскую. Больше мне здесь делать нечего, пора домой, меня ждет реальный мир. Я сморщился при мысли об этом. Это как проснуться от приятного и удивительного сна и обнаружить себя живущим на помойке.

Настроение ни к черту.

Ну да, куда уж мне до Вронского или даже до Степана Аркадьевича. Я и до Левина-то не дотягиваю по местным понятиям...

Ко мне в купе зашла пара и разместилась на диване напротив. Я смотрел в окно и кивнул им вполоборота. Мне было не до людей.

Вдруг на мою голову обрушился удар — это вошедший стал колотить меня тростью:

— Невежа! Я научу тебя, как надо вести себя при дамах!

— Алонсо, успокойся, прошу тебя! — схватила его за руку дама.

Я посмотрел на нее и ахнул:

— Таисия Дульяновна? Вы?!

— Николай Львович?! — всплеснула она руками.

— Какими судьбами вы здесь? И этот агрессивной господин с вами?!

Пожилой мужчина с усами и бородой по-прежнему сжимал в кулаке трость и гневно сверкал глазами.

— Это Алонсо Кехана, также известный как Дон Кихот Ламанчский, рыцарь печального образа. Мой муж.

•••

Алонсо оказался умным собеседником и неплохим парнем, хотя и немного вспыльчивым. Все ему казалось, что кто-то хочет бросить ему вызов или не с должным почтением относится к его даме.

Таисия Дульяновна, как выяснилось, отправилась с новым мужем в свадебное путешествие — путешествие по вымышленным мирам. Возвращаться в реальный она не собиралась.

— Милый мой, — сказала она мне, — я вижу, что вы хороший человек. Оставайтесь здесь, зачем вам возвращаться в вашу постыльную реальность? Лейбниц серьезно ошибся, полагая, что наш мир — лучший из миров. Напротив, поверьте моему опыту, он немного ниже той границы, где миры делятся на хорошие и плохие.

— В самом деле, — бодро сказал Алонсо, — приезжайте ко мне в Ламанчу, вы не пожалеете! Моя ключница приготовит для вас такого жареного голубя, такую олюю подриду, и я угощу вас таким вином, что вы захотите остаться у нас навечно!

Но я объяснил им, что, во-первых, меня здесь ничто не держит, а во-вторых, у меня есть обязательства в реальном мире перед мои-

ми близкими, перед друзьями и коллегами. В конце концов, у меня важная работа, исследования... И это не в моих правилах — менять реальность, пускай она совсем и не так хороша, как хотелось бы, на иллюзию! По-моему, это похоже не бегство. Я бы даже сказал — на бегство от свободы, потому что свобода, как известно — это осознанная необходимость.

Алонсо в ответ на эти рассуждения похвалил мой ум, но пожалел, что я не подвизался ранее на поприще рыцарства, иначе не сколько иначе смотрел бы на соотношение реального и иллюзорного, а Таисия Дульяновна сказала:

— Николай Львович, дорогой! То, что вы говорите, очень правильно... Но не слишком ли вы серьезно относитесь к тому, что называете реальностью? Вполне может оказаться и так, что и сами вы — вымышленный персонаж.

Я стою на платформе. Нижегородская. Низко стелется паровозный пар. Совсем рядом портал, но его никто не видит, кроме меня, и только я могу им воспользоваться. Через минуту меня здесь уже не будет. Неужели этот мир продолжит существовать, когда я исчезну? Так сложно в это поверить... С другой стороны, куда же он может деться?

Выполнил ли я свои исследовательские задачи? Нет. Цель не достигнута, я вообще не узнал ничего из того, что хотел узнать. В этом смысле возвращение будет бесславным, узнав о моихключениях, все будут смеяться надо мной.

Но на статейку в научном журнале хватит. Может, смогу ею отчитаться по проекту. Выступлю на конференции, буду делать вид, что все серьезно, и я получил какие-то важные результаты...

А если повезет, то еще и надбавку к зарплате дадут.

Мне стало дурно, и я невольно поднес руку ко рту — как будто хотел сдержать порыв тошноты или наоборот защититься от чего-то, что собиралось в меня проникнуть.

Я огляделся по сторонам в последний раз.

Вон тот самый мужичок, опять идет вдоль вагонов, стучит по колесам. Вон опять неприятные молодые люди, жеманно смеются

и заглядывают в глаза дамам. Впрочем, сейчас они мне показались приятными. А вон бежит куда-то лакей Петр...

Что ж! Пора возвращаться в реальный мир. Я повернулся к порталу и занес ногу.

— Милостивый государь! Милостивый государь! Вам телеграмма! Я остановился.

— Мне?!

— Да, — запыхавшийся Петр протянул мне бумагу. — Еле успел застать вас здесь!

— От кого же?!

— От Анны Аркадьевны. Сказано было, что срочно!

Я взял бумагу и развернул.

«Дорогой Николай Львович! Я подумала над вашими словами. Я уверена, что вы порядочный человек и мы станем хорошими компаньонами. Другие миры — это захватывающе! И я бы очень хотела переговорить с госпожой Бовари».

СИМВОЛЫ

Эти знаки находили повсюду. Под водой, под землей, в горах, на широких плато, видимые только с высоты облаков, на древних валунах, заросших мхом и скрытых лесами. Их набралось несколько тысяч.

О них знали с глубокой старины, в самых первых сохранившихся письменных источниках упоминаются «послания богов». Но нигде за всю историю не раскрывается их содержание. Это говорит о том, что даже десять тысяч лет назад никто уже не знал, что в них скрыто. В мифах почти всех народов упоминались сверхъестественные существа, которые будто бы являлись авторами этих письмён, но опять же нигде не объяснялось, что конкретно в них сказано.

Были разные гипотезы, попытки истолкования, которые периодически выдвигались, начиная с античности, но ни одна не имела под собой достаточного основания, чтобы убедить научное сообщество. Попытки расшифровать продолжались до середины прошлого века, и лучшие палеографы потерпели поражение. Хотя в текстах и встречались повторяющиеся знаки, наблюдалась некая периодичность целых словосочетаний и отдельные символы очень сильно напоминали буквы или иероглифы из других сохра-

нившихся поныне языков, их смысл оставался неясен. Не удалось даже расшифровать хоть одно-единственное слово. Как будто эти слова, если это были слова, обозначали нечто, вообще не имеющее аналогов в мире людей. Даже когда появились мощные системы вычисления и к задаче подключился искусственный интеллект, итог был тем же самым — все эти обрывки не имеют смысла.

Но люди, начиная с древних времен, верили, что смысл в них есть. Что они содержат тайну бытия, историю о том, с чего все началось и зачем происходит, что в них спрятаны ответы на самые главные вопросы.

Доктор Сэверос, как и другие ученые, в это не верил. В настоящее время, когда все попытки дешифрования были уже оставлены и считались пустой тратой времени, полагали, что в текстах содержатся отрывки священных гимнов и описания ритуалов, но в силу особой древности их так сложно расшифровать. Но вот если будут обнаружены промежуточные языки, то дело пойдет.

Сэверос так не считал. Он не сомневался, что дело никогда не пойдет. Потому что был уверен: древние тексты расшифровать нельзя, так как они на самом деле не имеют никакого смысла. Это был розыгрыш — розыгрыш какой-то древней цивилизации. Но когда он написал об этом научную статью, с ним почти никто не согласился. Ему указывали на то, что это уж слишком странно — кому могло понадобиться оставлять послания на выдуманном языке по всему миру, да еще и более десяти тысяч лет назад (а некоторым текстам, судя по данным радиоуглеродного анализа, было более двадцати тысячи лет). Он возражал, что, возможно, изначально все тексты были в одном месте, но потом следующие поколения людей, не зная, что это розыгрыш, растащили их повсюду, а может, и копировали.

Это, кстати, еще одна проблема дешифровки — копирование. Древние переписчики, сами не понимая смысла записей, нередко ошибались, и до нас в ряде случаев дошли только искажения.

•••

Однажды Сэверос увидел странный сон. Будто знаки из «письмен богов» (так их называли в средствах массовой информации) складываются в узоры. Они переплетались между собой, образуя

новые символы, выстраивались в неизвестные ему геометрические фигуры, распадались на части и собирались в новом виде. Узоры, частично или полностью симметричные, принимали самые причудливые формы, иногда напоминающие что-то знакомое, вроде снежинок, крон деревьев или горной гряды, но чаще он их не узнавал.

Смысл образованных узорами фраз был ему неясен, но явно существовал. Он был не в отдельных словах или их сочетаниях, а именно в совокупности рисунков, которые они составляли.

Проснувшись, он сразу сел за стол. Достав таблицы с известными знаками, он стал дополнять их увиденными во сне. Но картинки из сна быстро исчезали, и он, рисуя очередной символ, уже не был уверен, таким ли видел его или придумал сейчас.

Вскоре образы сна рассеялись совсем, оставив только смутные очертания. Сэверос отложил ручку. Он уже не мог вспомнить отдельные символы и тем более узоры, но он помнил общий порядок, некий принцип, на основе которого формировались рисунки. Была какая-то закономерность. Смысл был не в словах и их сочетаниях, а в самом порядке...

И он вдруг понял, что нашел ключ. Все дело в порядке! Нет, не ключ расшифровки, он по-прежнему не знал, что означают эти знаки. Но он понял, что, по крайней мере, это не случайный набор знаков, а кирпичики, которые можно использовать для сооружения зданий.

Открыв ноутбук, он приступил к написанию статьи.

•••

Открытие Сэвероса впечатлило научный мир. И не только научный. Результаты его исследований, истолкованные журналистами по-своему, заполнили средства массовой информации, и вот уже все знали, что язык богов расшифрован.

Как-то, зайдя в магазин, он услышал разговор покупателей.

— Ты видел новости? — сказал один. — Разгадали знаки инопланетян.

— Да?! И что же там?

— Там про смысл жизни. Про то, откуда все и зачем.

Были и другие версии, например, что в древних посланиях скрыта дата конца света.

Но это было неправдой.

Он не расшифровал тексты. Он даже не подобрал ключ к расшифровке. Он лишь понял в самых общих чертах структуру языка, некие принципы построения фраз, удивительные закономерности, не имеющие аналогов ни в одном из других языков.

Выступая с докладом на конференции, он признал свою прежнюю точку зрения ошибочной — о том, что эти тексты не имеют смысла. Такие сложные, упорядоченные по некоторым, пускай и неизвестным, правилам тексты не могут быть бессмысленными.

Лингвисты и филологи с ним единодушно согласились. Но при этом никакого разумного объяснения, кто мог все это написать, не было. Очевидно, это не могла быть цивилизация, которая послужила основой для других, существующих ныне — потому что преемственности с известными языками не прослеживалось. Сошлись на том, что это сделала древняя изолированная культура, которая пресеклась до того, как другие получили развитие.

За много-много лет до этого существа из верхнего мира обсуждали, что делать с людьми и прочими разумными видами во Вселенной. Хотя существами их назвать нельзя, потому что они не были из плоти и крови. И нельзя сказать, что их было несколько, но и нельзя сказать, что один. Да и слово «обсуждали» не совсем подходит. И совсем уж неверно, что за много-много лет — потому что они обитали вне пространства-времени, по крайней мере привычного нам — трехмерного.

Людей еще не было, но эти существа (пусть будет так) уже знали, что к чему и что будет, потому что сами были причастны некоторым образом к появлению людей. Совершенно точно они не знали, что конкретно может произойти, этого нельзя знать в принципе, но общую картину видели и понимали, что и к чему в большинстве случаев приведет.

— И все же людям будет плохо без веры в то, что есть какой-то высший смысл, — сказал один.

— Но никакого смысла нет, все просто происходит, — сказал другой.

— Да, но понять это не так-то просто. Вернее, сначала легко, потом сложно.

— Но им он нужен, — сказал третий.

— Так давайте дадим им его, — предложил первый.

— То есть обманем их?

— Нет, почему... Просто разыграем.

И они засмеялись. И смех этот привел к очень серьезным последствиям. Но здесь важно, что они сделали после этого: они написали на своем языке всякую абракадабру и раскидали ее по всей Вселенной, так что теперь на многих планетах можно найти древние плиты с вырезанными на них символами. Смысла в этих посланиях не было никакого. Получились просто красивые узоры — дело в том, что этот язык устроен иначе, чем большинство человеческих языков, он образует не последовательность знаков, а замысловатые рисунки, похожие на голограмму. Но, как и в обычном языке, где из букв и слов можно составить кучу бессмысленных выражений, так и тут — большинство узоров ничего не означают.

После открытия Сэвероса прошла новая волна попыток дешифрования. Но опять безуспешная, ученые не продвинулись ни на шаг, несмотря на помощь десятков миллионов компьютеров и самую продвинутую нейросеть. Казалось, что ключ находится в руках, осталось лишь им воспользоваться, но стоило попытаться это сделать, как выяснялось, что скважина другого размера или ее вообще нет, и ключ — не ключ, а река.

И снова попытки были заброшены, продолжали только некоторые, самые одержимые. Эти одержимые относились к тому роду ученых, которые сочетают веру в науку с верой в сверхъестественное, и именно это сверхъестественное давало им силы продолжать.

Остальные же, и Сэверос в том числе, переключились на другие задачи, которые представлялись более перспективными.

Прорыв случился на рядовой конференции, посвященной криптографии и записи музыкальных произведений периода раннего

европейского средневековья. Никому не известная Марта Ауриентис, филолог, доктор философии, занимающая ставку профессора в университете Лимпопо, делала доклад о «письменах богов».

Никто ничего не ждал этого доклада, более того, увидев название «Тексты древних как музыка богов», большинство участников решило не идти на секцию с ее выступлением. Так решил и Сэверос. Он даже сказал коллегам:

— Я думал, мы на серьезной конференции, а тут «музыка богов»! Как вообще этот доклад могли принять?!

И пошел на другую секцию, по лексическим особенностям указов инквизиции. Но перепутал аудитории, и понял свою ошибку только тогда, когда красивая женщина средних лет, из-за своего носа похожая на хищную птицу, вышла к столу, запустила презентацию и сказала:

— «Тексты древних как музыка богов».

И по какой-то причине, неясно по какой — может, так подействовала внешность докладчицы, или ее голос, глубоким и хриплым звучанием предвещающий нечто грандиозное, или какое-то внезапное откровение, вызванное стечением этих и других факторов, — тело Сэвероса охватил озноб, дыхание перехватило, и он задрожал, как от очень сильного холода.

То, что она рассказала, было поистине поразительно. В это сложно было поверить, настолько невероятно звучал ее доклад. И многие насмешливо улыбались, демонстрируя друг другу свое отношение к увиденному и услышанному. Но некоторые, и в их числе Сэверос, поверили. Потому что настоящий ученый чувствует истину, даже если аргументы ему еще не совсем ясны, и принимает ее, может быть, не сразу, но постепенно.

Ауриентис рассказала о том, что «язык богов» построен по тем же правилам, что и музыка. И отдельные знаки можно трактовать почти как ноты. Но только не как обычную нотную запись на листе — ведь Сэверос показал, что этот язык создает упорядоченные конструкции как минимум в трехмерном пространстве — а более сложную. Некоторые ноты могли иметь вид геометрических фигур — кубов, тетраэдров, сфер.

— Все эти тексты, — говорила она с кафедры своим удивительным звучным голосом, каким следовало бы рассказывать о последствиях апокалипсиса спустя миллионы лет новым обитателям Земли, — являются обрывками какой-то феноменальной симфонии.

Присутствующие в зале засмеялись, но только не Сэверос. Он снова вздрогнул.

— Это надо как-то доказывать, — прозвучало в зале.

Это сказал один пожилой филолог, знаменитейший специалист по древним языкам, почетный член Арктической академии и лауреат Марианской премии.

Ауриентис включила на ноутбуке запись:

— Нам удалось частично воспроизвести музыку с помощью электронных систем.

Раздались звуки, в таком странном сочетании, что сначала это показалось издевательством, но чуть позже стало ясно, что они сливаются в нечто целое, в какую-то единую стройную композицию. Она была спокойной и величественной, она звучала как звездный ветер, как дыхание Вселенной, но понять это мог только человек с очень хорошим слухом и знанием музыки. Сэверос, любитель Малера и Бетховена, как раз был таким человеком. И уже спустя пару минут, хотя в зале преобладали смех и недоумение, он был полностью уверен: да, она права, послания древних — это величайшая в мире музыка.

•••

После окончания доклада Сэверос подошел к Марте Ауриентис. Она стояла одна, собирая свои вещи, вопросов было мало, и все слушатели быстро покинули секцию.

— Позвольте с вами познакомиться, — обратился он к ней.

Нужно было сказать «позвольте представиться» или лучше всего просто «меня зовут так-то», но фразы в его голове часто обретали сложные и необычные формы, из-за чего он не умел их выразить просто (и, возможно, именно поэтому он был выдающимся лингвистом).

Марта взглянула на него с сомнением — маленького роста, некрасивый и покосившийся, как старый дом.

— Вы же доктор Сэверос?

— Да. Я хотел сказать, что потрясен вашим докладом. Все, что вы сказали, — правда.

— Но остальные, похоже, так не думают, — улыбнулась она.

— Остальные — те, чье мнение имеет вес, — даже не пришли на вашу секцию. Я и сам, признаюсь, попал сюда по ошибке. Но как только выйдет ваша статья, весь мир об этом заговорит.

Марта не любила, когда ей льстили, но глядя на него, она поверила, что он говорит честно.

Сделав паузу и решив, что прелюдии соблюдены, он перешел к делу:

— Давайте пойдем в кафе и обсудим ваш доклад.

Но в это время подошел какой-то сильно загорелый молодой человек и, перебив его, спросил Марту:

— Что вы думаете, как в оригинале звучала эта музыка? Вам ведь известно, что на разных музыкальных инструментах итог будет разным.

— Конечно, нам совершенно неизвестно, на каких музыкальных инструментах она исполнялась. Все что в наших силах — сделать электронную реконструкцию...

— А я думаю, — вдруг резко сказал Сэверос, — я думаю, что никаких музыкальных инструментов не было. Это чистая музыка и даже сейчас она звучит у меня в голове. Инструменты — это не более чем костыли для глухих!

Молодой человек впервые взглянул на него и поклонился:

— Позвольте представиться, Алонзо Рахимов, космолог, специалист по теории струн.

— О боже, — засмеялась Марта, — как вы сюда попали?

— По ошибке, — улыбнулся он. — Тут рядом конференция по бранам. Но я не пожалел! Послушав ваш доклад, я лучше понял, что такое этот «язык богов» и как на самом деле он должен звучать...

— Чрезвычайно интересно послушать вашу версию, — сказала Марта. — Мы как раз собиралась в кафе обсудить мой доклад. При соединяйтесь! Вы не возражаете, доктор Сэверос?

•••

Молодой специалист Алонзо Рахимов, постдок университета Океании, предположил, что музыка богов (теперь они так на-

звали древние тексты) на самом деле звучит не в обычных трех пространственных измерениях, привычных нам, а в большем их числе. Возможно, сказал он, в девяти. Поэтому та реконструкция, которую они сегодня слышали, есть сильно урезанная версия симфонии — как, например, имитация трехмерного мира видеоигры на плоском экране компьютера. Только в этом случае все еще хуже — сокращены не одно, а шесть измерений!

Они просидели за маленьким столиком до самого заката, и видели, как солнце погружалось в море, и Сэверосу казалось, что он слышит этот звук — уход светила за горизонт, и он был великолепней любой симфонии. Они сидели так долго, что к ним успели привыкнуть чайки, и одна из них, особенно крупная, села на столик между ними и стала клевать остатки торта, но они были настолько увлечены разговором, что не обратили на нее никакого внимания.

И только когда совсем стемнело и выплыла луна, уже с совсем другой мелодией, и хозяин кафе стал все чаще на них вопросительно поглядывать, они вышли на улицу и направились в отель, продолжая обсуждать свои идеи.

По итогам обсуждения было решено написать совместную статью про многомерную музыку богов и характер ее исполнения. Статья была написана, отклонена двумя журналами, принята третьим, отрецензирована, возвращена на доработку, отредактирована и вновь послана, и наконец, спустя полтора года принята к печати, а спустя еще почти полгода увидела свет.

Сэверос, Марта и Алонзо с волнением ждали реакции. Сколько сил был затрачено, сколько дней и бессонный ночей! За это время Сэверос успел сделать предложение Марте, но она его отвергла и ответила на ухаживания Алонзо. Это не повлияло на их дружбу — Сэверос принял это, как что-то вроде закона природы. Они продолжали часто встречаться в доме у Марты над Крокодиловой рекой, где она жила теперь с Алонзо.

И вот статья вышла — в очень уважаемом в мире лингвистов, филологов и языковедов журнале «Акта филология».

Никакой реакции не последовало. Ни одного отзыва, ни одного упоминания в социальных сетях ни в этом месяце, ни в следующем. Авторы ломали головы — в чем причина? Было решено сделать серию докладов на конференциях, чтобы привлечь внимание к публикации.

Но на пятый месяц молчания в другом журнале — по космологии — вышла статья известного физика, внесшего весомый вклад в создание «Теории всего», в которой он ссылался на их статью. Он упоминал их работу трижды и назвал настоящим прорывом в разработке единой теории, описывающей мироздание.

Другие физики вскоре откликнулись, и уже спустя год их статья стала самой цитируемой в области космологии. Это было забавно, учитывая, что собратья-филологи молчали. Сэверос объяснял для себя это тем, что они просто не понимают теорию скрытых измерений, которую предложил Алонзо. Она действительно была очень сложна и требовала больших познаний в математике, и самому Сэверосу понадобилось много времени, чтобы правильно понять ее содержание.

Услышать многомерную музыку для человека невозможно, потому что люди — всего лишь трехмерные существа из трехмерного мира. Но Сэверос слышал. Не ушами, а разумом. Он воспринимал музыку древних в ее чистом, абстрактном виде как математическое выражение. Он мог часами сидеть на террасе, смотреть на океанские просторы и внимать феноменальной симфонии, звучащей в его голове, и перед его внутренним взором вырастали конструкции, которые никак нельзя изобразить.

Но, по правде, хотя ему и казалось, что он слышит эту музыку во всей ее полноте, это было не так. Даже он воспринимал менее одного процента. Как если бы человек, слушая большой и сложный оркестр, слышал только скрипичную партию, и был уверен, что это и есть весь оркестр.

Но другие слышали и того меньше, и все равно были потрясены.

Появилось множество подражаний — все популярные исполнители хотели теперь играть и петь в стиле древних. Ставили бале-

ты, оперы и мюзиклы на основе мелодий, позаимствованных из реконструкций группы Марты.

И настал день, когда и филологи признали значимость работы Сэвероса и его друзей. Все в итоге согласилось: это музыка, а не хроники древних. Для ученых это стало облегчением — больше не нужно было искать смысл текстов. Во всяком случае, теперь было ясно, что это не тексты в обычном смысле и в них ничего не зашифровано. Разумеется, музыку бессмысленной не назовешь, она тоже имеет содержание, но она как бы говорит сама за себя и не нуждается в расшифровке. Для того, чтобы слушать Моцарта, нужно всего лишь иметь слух.

И все успокоились, и сочли величайшую задачу мира решенной, и многие прочили Сэверосу и его коллегам премию Алефа, которая вручалась раз в десять лет за самые выдающиеся достижения.

Успокоились все, кроме Сэвероса.

•••

Днем было тихо. То есть звуки были, и много: проезжали машины, смеялись люди, пролетали самолеты, — и все это как раз заглушало музыку Вселенной. Поэтому для Сэвероса было тихо. Но ночью, когда его и без того нешумный островной городок погружался в сон, все менялось. Сначала еле-еле, по мере того как город стихал, потом громче и громче, и наконец во всю оркестровую силу начинала звучать Вселенная. Это была совершенно фантастическая музыка и каждый раз разная. Затихала она только к рассвету, так же постепенно, как и начиналась. Он понимал, что это и есть музыка древних, но никому не рассказывал о том, что слышит ее, потому что его бы, вполне вероятно, сочли сумасшедшим.

Правда, из-за нее он теперь не спал ночами. Не потому что она мешала спать — он сам не хотел спать, когда слышал ее.

Самое удивительное было то, что, хотя эта музыка и была той самой музыкой древних, все же звучала она как-то по-другому, и Сэверос не находил для нее нужных знаков из уже известных.

Как-то, сидя ночью в кресле-качалке на террасе, он ждал, когда стихнет город и начнется музыка. В ожидании он наблюдал, как паук тклет паутину над его головой. С дерева падали листья, кру-

жась в воздухе. Муравьи бежали по столбу террасы. Ухала сова. Зажигались и гасли огни над болотом в отдалении — это мелькали светлячки. Мотыльки облаком вились вокруг фонаря. Мир стихал, и загорались звезды, и тихо-тихо, как будто очень издалека, нарастала знакомая и в то же время новая мелодия.

И вдруг Сэверос, глядя на все это, понял, что видит четкое и ясное послание, которое нельзя описать словами обычного языка, но можно выстроить в структуру из знаков древних.

Он вскочил с кресла и бросился к телефону, налетел во тьме на раскрытую дверь и сильно ударился лбом об острый торец — боли не было, но он почувствовал, что рассек кожу. Добежав до телефона, он набрал номер дрожащими пальцами.

— Марта, это я!

— Сэверос? Ты с ума сошел, сейчас четыре утра...

— Алонзо с тобой? Приезжайте немедленно! Я все понял!

•••

Алонзо не приехал. У него была запланирована партия в гольф, и он не хотел ее отменять из-за невероятных идей Сэвероса. Он не сомневался, что все самое существенное про язык древних они выяснили, остальное — детали, которые можно оставить другим. Его и так уже наградили престижной премией наряду с Мартой и Сэверосом, а теперь пригласили с циклом лекций по зеландскому континенту, за который обещали очень приличный гонорар. Из бедного постдока с неопределенными видами на будущее он превратился во всемирно известного и преуспевающего ученого, и теперь ему приятнее было ходить на ток-шоу и сниматься в рекламе, чем сидеть до рези в глазах за компьютером и писать закорючки.

Он подозревал, и отчасти справедливо, что Сэверос ревнует к нему Марту. Но он не считал себя вправе удерживать кого-либо, потому что полагал, что быть свободным — означает давать свободу другим.

— Езжай одна, — спокойно сказал он ей. — Потом расскажешь, что придумал этот гений!

И Марта отправилась в путь.

Прямо из аэропорта она поехала к нему, потому что было уже поздно, а заселение в отель отняло бы слишком много времени.

Сэверос открыл ей и сказал с порога:

— Марта, древние говорили правду про тексты богов. В них действительно скрыта информация о смысле всего, о жизни, смерти, о прошлом и будущем! Возможно, нам потребуются тысячелетия, чтобы полностью их расшифровать, но главное, что это можно сделать. И кое-что я уже понял — я услышал гармонию Вселенной!

Видя его красные глаза, воспаленные от недостатка сна, разбитый лоб, растрепанные волосы, щетину, халат и тапочки разного фасона, она сказала:

— О боже, Сэверос, как вы прекрасны!

И сказала она это без тени иронии, потому что за этой его, казалось бы, нелепой внешностью, она увидела то самое, о чем он говорил — гармонию Вселенной.

•••

В это время боги (а на самом деле не совсем в это время, поскольку они обитали вне времени) пили нектар — можно назвать это так, если попытаться провести аналогию с тем, чем занимаются иногда люди на досуге, хотя аналогия совершенно неверная, но ничего лучше не придумать.

— Вы, конечно, уже знаете, — сказал один, — Сэверос доказал, что, оказывается, в наших бессмысленных посланиях содержится смысл Вселенной.

Он на самом деле этого не сказал, теперь уже известно, что это были не слова, а музыка, но и нельзя сказать, что она «прозвучала», потому что это была чистая абстрактная музыка, которая звучит порой в голове у великих композиторов, даже глухих.

Их беседы (на любую тему) приводили к очень интересным наблюдаемым следствиям во Вселенной, например, возникновению новых звезд, зарождению жизни, а, бывало, что и к взрывам сверхновых, которые уничтожали близлежащие миры. Но подлинная арена действий разворачивалась, конечно, в мире, недоступном человеческим органам чувств.

— Да, — ответили другие, — это поистине удивительно. Учитывая, что мы сами считали, что никого смысла нет.

— Действительно, — продолжил первый, — но Сэверос оказался прав! Как ему удалось?!

— Наверно, понял, что любая пылинка во Вселенной является ключом ко всему, если посмотреть на нее под правильным углом.

Остальные боги закивали (назовем это так).

— А что там, кстати, Марта? — спросил кто-то, желая сменить тему.

Из-за этой смены темы в Туманности Андромеды на одной из прежде безжизненных планет элементы соединились в живой организм, способный размножаться и передавать информацию по наследству.

— Марта теперь с Сэверосом. И они пригласили в свой новый проект лучшего композитора Земли, чтобы сочинить симфонию на нашем языке.

— А Алонзо?

— А Алонзо сменил тему.

И боги замолчали, чтобы не беспокоить слишком сильно мироздание и не заставлять композицию часто меняться.

